

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Смирнова Вадима Анатольевича «Трансформация политических элит Латвии, Литвы и Эстонии (1990 – 2019 ГГ)», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии.

Политический процесс современности представил не одно свидетельство доминирующей роли правящих политических элит в управлении национальными государствами и формировании их внешнеполитических стратегий. Накопленный опыт дает все основания полагать, что конфигурация внутриполитического институционального дизайна, и архитектура мирополитических связей в значительной степени обусловлена активностью различных сегментов правящего меньшинства, их замыслами и интересами. В то же время сложившиеся в научном мире традиции исследований политических элит в значительной степени были в основном сконцентрированы на изучении активности властных групп в крупных мировых державах, влияющих на векторы международных отношений, чьи коммуникации резонировали в поведении иных государств. В этом смысле элитарные круги «малых стран», несмотря на свое и внутригосударственное, межрегиональное и даже мировое значение, оставались, условно говоря, на обочине исследовательского интереса.

В этом контексте стоит поддержать стремление автора «выявить основные факторы трансформации каналов и механизмов формирования властных групп, определить общие и особенные черты данного процесса, соотнести их с ключевыми решениями элит, определившими политические приоритеты стран Прибалтики в новое время» (с.6). Логичными и содержательными представляются и выдвигаемые в работе задачи

исследования, позволяющими последовательно осветить основные грани предметной области.

Скажем сразу, В.А.Смирнов успешно справился с поставленными целью и задачами диссертационного исследования, сумев аргументированно и доказательно обосновать как правомерность выдвинутой им гипотезы, так и положений, выносимых на защиту, отражающих личный вклад автора в разработку избранной темы.

Научная новизна данной диссертации состоит в разработке теоретической модели, раскрывающей особенности структуры и политического позиционирования правящего меньшинства в современных Прибалтийских странах, а также специфику механизмов их рекрутирования и каналов влияния на разработку стратегий государственного развития этих государств. Теоретическое значение данной диссертации состоит в качественном расширении теоретических возможностей дальнейшего изучения элитарных и внутри элитарных связей в правящем классе прибалтийского субрегиона, их влияния на социально-экономическое развитие своих стран, а также на их внешнеполитические проекты и стратегии. С прикладной точки зрения основные положения диссертации В.А.Смирнова помогут более продуктивно и сбалансированно решать конфликты российских правительственных и неправительственных структур по широкому кругу взаимных отношений. Более того, основные выводы и положения диссертационного исследования можно использовать как для обновления классических, так и разработки новых учебных курсов политологического цикла в высшей школе.

Залогом успешного решения поставленных задач является фундированный характер исследования, опора автора на широкий круг специальных теоретических исследований, современные достижения политической науки в области элитологии. Не менее впечатляющим выглядит и эмпирическая база диссертационного исследования, демонстрирующая глубокое погружение автора в изучаемую тематику.

Следует непременно отметить и комплексный характер проведенного исследования, отражающего стремление автора показать и раскрыть основные (располагающиеся в широком социально-политическом спектре - от особенностей переходных процессов, трансформации систем управления и влияния зарубежных держав до идеологических и неформальных коммуникаций внутриэлитарной конкуренции и влияния общественного мнения) факторы, обуславливающие место и роль властных групп в государствах этого региона. В данном аспекте автор корректно и профессионально выделяет и показывает связь универсальных и специфических (характерных для каждой из Прибалтийских стран), тенденций элитогенеза, формулирует определенные прогнозные презумпции относительно их дальнейшей эволюции. Не менее удачным выглядит и анализ взаимосвязи политических и предпринимательских сегментов правящих кругов, описание характерных для сегодняшнего времени механизмов и каналов их взаимосвязи и влияния на принимаемые государственные решения.

Следуя логике своего исследования, автор последовательно и содержательно ёмко раскрывает связь средовых факторов с динамикой властных группировок, сопрягая проблемы движения консолидированных демократий с анализом механизмов «герметизации» национальной элиты, сложными процессами наследования советского прошлого и новых требований Европейского сообщества к институтам власти. В этом аспекте крайне важным с методологических позиций является учет темпоральных факторов, предполагающий корректное соотнесение ретроспективных и актуальных диспозиций правящих кругов в трех странах. Это позволяет автору релевантно оценивать основные традиции и тенденции в развитии властных группировок, описывать особенности предпринимаемых ими внутри- и внешнеполитических проектов, базовые параметры политических коммуникаций истеблишмента с обществом и наднациональными сегментами политической элиты.

Логика и характер аргументации автора позволяет солидаризироваться с его выводами (полученными на основе принципов поведенческого подхода) относительно нелинейного характера развития элитарного корпуса рассматриваемого субрегиона; сегментации состава властных группировок под влиянием сложного сочетания социально-экономических, национально-культурных и ментальных факторов; успешной «конвертации капиталов» советских элит, позволившей им сохранить значимые позиции в структурах власти; оценки тенденций, сформировавшихся под влиянием выходцев из зарубежных диаспор, а также с рядом иных положений диссертации.

В этом аспекте весьма ценным представляется анализ внутренней структуры властных групп (с учетом биографического анализа крупных фигур политических деятелей) Прибалтийских государств, раскрывающий этнические аспекты внутри элитарных коммуникаций, а также факторы, повлиявшие на формы гражданских размежеваний и векторы государственной политики этих стран в отношении современной России. Результаты такого анализа позволили автору аргументированно высказаться по поводу выбора Прибалтийскими странами евроатлантического курса, их отношения к «восточному партнерству», а также перспектив российско-прибалтийского диалога.

В целом можно признать, что основные выводы и положения представленной диссертации имеют достоверный и аргументированный характер. Теоретические и эмпирические итоги диссертации показали глубокое погружение автора в тему исследования, его способность к творческому решению сложных и масштабных проблем политического развития Прибалтийских стран.

В то же время, наряду с положительной оценкой данной диссертации, в порядке научной дискуссии хотелось бы обратить внимание на ряд некоторых теоретических положений, которые, на наш взгляд, нуждаются в более определенном завершении.

Так, позиция автора, относящего к элите тех, кто «занимает стратегически важные командные высоты» (с.56) и обладает «непосредственным доступом» для «воздействия» на «систему органов государственной власти» (с. 58), на наш взгляд, страдает определенной ограниченностью. Ибо статусные позиции акторов или же механизмы «воздействия» на органы власти не всегда связаны с фактическим применением власти и доминированием тех акторов, которые обладают приоритетом при принятии государственных решений и распределении общественных благ и ресурсов. В частности, мировой опыт убедительно показал, что административные позиции в госаппарате могут легко завоевываться и замещаться неформальными инвесторами политического капитала, колонизирующими институты государства и определяющими распространение ресурсных потоков и общественных благ. Так что, эти диспозиции неформальных стейкхолдеров недостаточно описывать при помощи понятия «воздействия», ибо их активность и есть фактическое применение власти. Другими словами, при определении правящей элиты целесообразно отталкиваться не от статусных позиций (с учетом влияния на них сторонних контрагентов) акторов, а от способности тех игроков, которые могут *de facto* распоряжаться ресурсами общества от лица государства.

Понятно, что такое понимание правящих элит сказывается и на трактовке места и роли неформальных коалиций правящего меньшинства. Однако можно увидеть, что на фоне основательного, в том числе и ретроспективного, анализа этого типа практик и механизмов функционирования властных групп (причем, автор говорит даже об «укорененности» неформальных отношений в системе власти и государственного управления), соискатель все же придерживается подхода, относящего эти латентные формы активности к эпифеноменальным факторам государственного управления.

Причем, такое отношение сохраняется в работе даже при том, что автором признается различие между «неформальными институтами,

пронизывающими широкие слои общества, и неформальными правилами взаимодействия, целенаправленно создаваемые элитами» (с.271) и даже упоминается тот факт, что эти практики могут выполнять «замещающую» функцию в системе власти и государственного управления. Однако на этих констатациях автор и останавливается, упуская (доказанную многочисленными исследованиями) способность устойчивых неформальных практик правящего класса породить сетевой ландшафт, колонизирующий институциональный дизайн и формирующий переплетенные институты и параллельные узлы государственных решений (вынесенных за пределы госаппарата) и в логическом пределе ведущие к формированию «второго», «глубинного государства».

Иначе говоря, выделяемые автором нормы «неформального взаимодействия элит» следовало бы понимать не столько как «культурные нормы и образцы поведения, происхождение которых обусловлено ... всей совокупностью накопленных ранее традиций, опыта взаимодействия в обществе и его отдельных социальных группах» (с.269), сколько как те договоренности, которые непосредственно связаны со скрытым от населения типом правления и распределения общественных благ и ресурсов.

В контексте признания существенной роли неформальных коалиций правящего класса, возможно, было бы полезно и более пристально присмотреться к методологической ограниченности и эвристическим возможностям неинституционализма (которому автор отдает предпочтение – с. 54) на фоне сетевого подхода, позволяющего увидеть в игре властных групп более глубокие социальные связи, резонирующие во всех сегментах поля политики.

Думается, большее внимание автор мог бы уделить и информационно-символическим формам активности правящих кругов, выполняющих функцию самолегитимации власти, а временами просто декорирующих и прикрывающих теневые проекты и провалы правящих кругов. В этом смысле трудно согласиться с выводом автора (который сам признает «превращение

обладание властью в непрерывную избирательную кампанию»), что развитие «информационных и коммуникационных технологий» провоцирует тенденцию «сокращения пространства маневра для политической элиты» (с. 52). Думается, что политические процессы движутся в прямо противоположном направлении. Причем, как показывает опыт других транзитных государств, власти постепенно и неуклонно учатся ограничивать дискурсивные и делиберативные возможности населения, превращая информационный инструмент в надежный рычаг своего подлинного господства.

В конечном счете, создается впечатление, что автор - при всей систематичности анализа властных группировок - не только недооценивает рост автономности этой социальной страты (в том числе умалчивая о качественных метаморфозах их местоположения в системе власти и управления под влиянием неформальных коалиций), но и придерживается понимания исходной зависимости их активности от коллективного актора. Понятно, что это в определенной степени вполне обоснованная позиция. Однако при всем понимании незаконченности спора об основных источниках активности правящей элиты, думается, автору стоило бы больше внимания обратить на рост автономности и независимости элитарных кругов, которые, чем дальше, тем больше, используют инструменты самолегитимации и символического самопозиционирования. Поэтому при выделении основных тематических блоков в «исследованиях политических элит на новейшем этапе» (с.53) авторское дополнение этой «исследовательской оптики» изучением правящего класса «малых стран» можно было бы в большей степени совместить с процессом дальнейшей автономизации их властного местоположения.

Понятно, однако, что высказанные суждения несколько не умаляют научные достижения автора, представившего на суд читателя творческое, самостоятельное и логически завершенное исследование. Можно с уверенностью констатировать, что В.А.Смирновым решена крупная научная

проблема, отражающая сложные процессы элитогенеза в современных Прибалтийских странах. Благодаря полученным результатам, данный труд послужит серьезным вкладом в развитие отечественной элитологии и политической науки в целом.

Сказанное позволяет констатировать, что представленная работа В.А.Смирнова «Трансформация политических элит Латвии, Литвы и Эстонии (1990 – 2019гг.)» полностью соответствует требованиям к работам такого уровня, а ее автор заслуживает присвоения искомой ученой степени доктора политических наук по научной специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии.

Доктор политических наук,
профессор МГУ имени М.В.Ломоносова

А.И.Соловьев

119991, Москва, Ломоносовский проспект 27/4, ауд. 1826

solovyev@spa.msu.ru

8 495 939 29 10

Подпись

19.11.20.

удостоверяю

Зам. декана факультета